

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВ

Дневник
советского детектива

Проверка связи

18+

Евгений Долматов

Дневник советского детектива

«Автор»

2023

Долматов Е.

Дневник советского детектива / Е. Долматов — «Автор», 2023

Про печально знаменитые «девяностые» написано много книг и снято еще больше кинофильмов. В них все — о криминальной обстановке в Москве и Санкт-Петербурге, а вот остальные города описаны мало. Алексей Беляев, оперативный сотрудник уголовного розыска, рассказывает о интересных и необычных эпизодах службы. Автор придерживается строгого, почти документального описания расследуемых преступлений. В основе рассказов — реальные уголовные дела и отказные материалы, составленные по заявлениям граждан. Если в «девяностые» и «нулевые» работа милиции представлена в основном в негативном ключе, то в советскую эпоху, наоборот, чересчур отлакирована. Автор показывает золотую середину реальной служебной действительности. Книга посвящается милиционерам, которые в те непростые времена сохранили честь и достоинство, не предали интересы службы, не оказывали услуг криминалитету и не выполняли преступных приказов продажного руководства.

© Долматов Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Последний причал	6
Часть 1. Биржа труда	7
Часть 2. Стажер с жезлом и широко открытыми глазами	10
Проездом из Заречного	13
Шапочное знакомство	18
Клетка для барона	22
Часть 1. Академий не кончавшие	23
Часть 2. Случай в парке, или Проверка на прочность	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Долматов

Дневник советского детектива

Дневник
советского детектива

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЧАЛ

Последний причал

Впереди идет ОУР,
Вечно зол и вечно хмур.
Милицейский фольклор

«Мы полагаем, а Бог располагает» – видимо, этим правилом руководствовалось Провидение, когда заставило Беляева переступить порог артемовской милиции и оказаться в чутких руках сотрудницы кадровой службы, привлекательной молодой женщины с хорошей фигурой.

Спустя много лет для него самого остается загадкой, как он, недавно отучившийся на судоводителя и получивший диплом штурмана, оказался в этом приземистом одноэтажном здании ГОВД. И как же он благодарен этому провидцу за такое неожиданное сложение жизненных пазлов.

Часть 1. Биржа труда

В Советском Союзе в отличие от загнивающего Запада безработицы не было, но безработные были. Это те, кто никак не мог воспринять благую весть о том, что труд сделал из обезьяны человека. Для такой прослойки населения заботливая рука Родины предусмотрела статью 209 УК РСФСР (тунеядство) и приобщала непонятливых к этой непреложной истине в течение трехсот шестидесяти пяти дней в исправительно-трудовых учреждениях закрытого типа.

Вопросы занятости населения и наличия вакансий на предприятиях находились в ведении городских бюро по трудоустройству. В Артеме эта служба занимала два небольших кабинета на первом этаже горисполкома.

Молодой штурман Беляев узнал о существовании одного заведения совсем недавно и не потому, что ему вдруг разонравилась выбранная морская стезя. Просто внезапно он в полной мере ощутил себя молодым да ранним родителем двух детей со всеми вытекающими из этого последствиями.

Эту жизнеутверждающую весть он получил по прибытии в порт приписки своего судна. Совсем недавно его танкер из серии «малышей» пришвартовался к причалу нефтебазы в Находке после пятимесячного рейса в «полярке», где третий помощник капитана Беляев был проинформирован молодой женой, прибывшей его встречать, что в рейс она его больше не отпустит и что пора решать вопрос с квартирой – жизнь в частном доме у родителей становится слишком обременительной для них.

Впечатлившись услышанным, молодой мореплаватель, осознав всю меру, степень и глубину своей ответственности, решил поискать работу в Артеме, не увольняясь пока из парокходства. Ему предстояло совершить жизненный разворот на сто восемьдесят градусов, и сделать это было возможно, только сохраняя холодным рассудок и трезвомыслие.

Предстояло обучиться новой профессии, зарекомендовать себя на новом поприще, получить жилье, и будет тогда счастье. Задача, конечно, была из разряда фантастики. Но спустя полтора года звезды сложились так, что все вышеперечисленное с Беляевым случилось на раз-два.

– Ну и какая же ваша основная специальность? – отставив в сторону кружку с чаем, поинтересовалась у Алексея чиновница бюро по трудоустройству, порог которого он переступил в поисках будущей работы.

– Я – судоводитель, окончил мореходное училище, сейчас работаю на танкере третьим помощником капитана, – без особой надежды на успех ответил Алексей.

– Ну, в нашем городе плавать негде... Даже не знаю, что вам и предложить, – изрекла мадам Безнадега.

– Я где-то слышал, что можно переучиться на летного штурмана и работать в авиации. В Артеме большой аэропорт, – как вариант предложил Беляев. Совсем недавно вопрос этой переквалификации он обсуждал с друзьями.

– Мне об этом ничего не известно, но вот в том же аэропорту есть должность инспектора по кадрам, девяносто рублей зарплата, основное занятие – печатать на машинке, – предложила чиновница.

– Печатать на машинке я, конечно, могу. Спасибо, но у меня на иждивении двое детей и жена, на эти деньги прожить не получится, – ответил Алексей. Его средняя зарплата в парокходстве составляла сто тридцать рублей.

Возникшая невольно пауза затянулась, сторонам определенно нечего было сказать друг другу.

– Ладно, я пойду... Спасибо за прием. До свидания, – соискатель направился на выход.

– Послушайте, а может, вам в милицию попробовать? – произнесла вслед уходящему Беляеву инспектор по трудоустройству.

– В милицию? – ответил ей вопросом на вопрос ошарашенный Алексей и по инерции, больше для приличия, спросил: – А где она находится?

– Да вот же, внизу. Вы мимо нее сейчас будете проходить, – мадам кивком показала в окно, где виднелось невзрачное одноэтажное строение.

Первое, что воображение нарисовало Беляеву при слове «милиция», – это конвой в длинных до пола шинелях с винтовками за плечами и почему-то в буденовках. Это было смешно, нелепо и ужасно одновременно.

Второе, что пришло в голову, – реакция друзей, когда они узнают, что он вдруг стал милиционером, подумают, что это какой-то розыгрыш.

И третья мысль, что этого не может быть, потому что не может быть никогда. Все его неполные пять лет обучения в мореходке, весь близкий круг общения сформировал в нем крайне негативное мнение о милиции. Конечно, он не был отъявленным хулиганом, но законы улиц Владивостока в часы увольнений заставляли порой участвовать в боях без правил, как групповых, так и одиночных, после которых они с друзьями оказывались в отделении. И вот теперь он идет туда уже не в качестве задержанного, а устраиваться на работу... Это было дико и нелогично.

Однако генетический код, состоящий из упрямства, любопытства и здоровой доли авантюризма, сделал свое дело – он все-таки зашел в ГОВД и имел беседу с приятной молодой сотрудницей кадров Сафоновой.

После непродолжительного знакомства и просмотра документов Беляева она рассказала о должностях, существующих в милиции, а также о тех, на которых имеются вакансии. Он слушал инспектора кадров, как во сне, и с трудом представлял, кем в принципе он мог бы здесь работать. Беседа проходила по давно отработанной схеме: звучали обычные вопросы, на которые давались такие же обычные ответы. Когда прозвучала вакансия в отделе уголовного розыска, Алексей был несколько огорошен. Из книг и фильмов ему казалось, что там работают люди с особыми качествами и специальной подготовкой, которой обучают в учебных заведениях. А здесь все просто, из моряков в сыщики.

– А что вы удивляетесь? У нас несколько лет работал сыщиком тоже моряк и тоже помощник капитана. Очень хорошо, кстати, работал. У нас и в других службах есть люди с морским образованием, – рассказывала Сафонова.

– Я ведь в основном из-за жилья ухожу из пароходства, дадут ли в милиции квартиру и как скоро? – спросил Беляев.

– Как себя зарекомендуете. У нас квартиры дают в первую очередь в уголовном розыске и участковым. Все будет зависеть от вас. Вы же офицер запаса, месяца три-четыре поработаете младшим инспектором, затем на офицерскую должность, – разворачивала заманчивые перспективы сотрудница кадров. – Кроме того, у нас есть своя медсанчасть и льготное медобслуживание.

Алексеев было также поведано о раннем выходе на пенсию, большом отпуске и бесплатном проезде к местам отдыха. Устоять перед всем этим было невозможно, и он решил попробовать. Ведь если не пойдет, то уволиться можно всегда.

После собеседования из ГОВД он вышел уже по-другому заряженным. Было понятно, что судьба уготовила крутой жизненный разворот, переходящий в американские горки. Впереди ждала большая учеба без отрыва от производства в некоем виртуальном правоприменительном университете жизни, основным предметом изучения в котором являлись люди, их сообщества, привычки и повадки, способы добывания пищи, выживания, маскировки поступков и манипулирования другими людьми. Со временем Беляев начал понимать, что, помимо изучения других людей, университет внимательно изучает и его самого и этот процесс длится

непрерывно на протяжении всей службы, составляя психоэмоциональный и профпригодный портрет обучаемого.

На дворе стоял октябрь 1979 года. Почти до декабря длились процессы увольнения, оформления, различных проверок, пока перед самым Новым годом Алексей не вышел на работу в ГОВД. Ему было заявлено, что праздники можно провести дома, а сразу после них его ждут на новом месте.

Часть 2. Стажер с жезлом и широко открытыми глазами

Закончились новогодние праздники, на вахту заступил новый, 1980 год, и отделение уголовного розыска Артемовского ГОВД пополнилось новой штатной единицей – младшим инспектором Алексеем Беляевым. Начинаящий детектив приступил к работе, не имея ни удостоверения, ни права на ношение оружия, но зато облаченный в форменный китель штурмана со споротыми погонами и меховой черный полушубок с плеча тестя – на приличную гражданскую одежду за полтора года каботажного плавания заработать не удалось. Так, наверное, приходили записываться в народное ополчение в далеком «сорок первом».

На первых порах его закрепили за группой по борьбе с угонами автотранспорта. В его обязанности входило внимательно слушать старших и выполнять их распоряжения. Пару недель он, напряженный, просидел в кабинете у окна, периодически закуривая и выезжая с кем-нибудь из инспекторов. В основном его брали на несложные задержания подозреваемых и приводы свидетелей по нераскрытым преступлениям.

Неожиданным открытием для новичка стал факт отсутствия транспорта у сотрудников розыска в зимний период от слова почти совсем.

В связи с этим негативным обстоятельством вспоминается один духоподъемный фильм, где главный герой, наставник, покручивая седой ус, говорит молодому ученику: «Вот погоди, сынок, дай только срок, победим (ну а далее по ранжиру на выбор: контру, кулаков, японцев, немцев, всех капиталистов-империалистов) и тогда заживем...»

Между тем на дворе стоял 1980-й год: все войны позади, все враги повержены, а у милиции до сих пор нет нормального транспорта, от которого зависела скорость реагирования и раскрытия преступлений.

Беззастенчивое вранье, льющееся с голубых экранов и книжных страниц, очень выпукло стало проявляться в первые же недели работы на новом поприще.

Поначалу Алексей не мог понять, как справляются оперативники в условиях ежедневного аврала сыплющихся нескончаемой лентой преступлений с задержаниями и доставлением в Отдел разнокалиберных злодеев. Мало того что злыдня надо установить, обнаружить и задержать, так еще и доставить, и разговорить.

А если он активно сопротивляется, в грязи, в крови? Перевозить такую публику в общественном транспорте или на попутке – тот еще цирк. И ведь возили, ведь доставляли, шокируя пассажиров городских автобусов.

Можно с уверенностью предположить, что эта «досадная» проблема решилась сама собой только с массовым появлением личного транспорта у сотрудников милиции, одновременно со всеми гражданами, уже в новой стране, когда авто перестало быть премиальным дефицитом.

Впрочем, на все это Алексею скоро стало наплевать, как и на дряхлое здание, разваливавшуюся мебель в кабинетах еще с военных времен, ибо «на войне как на войне». А ветхий антураж и почти полевые условия придавали службе этаким фон чрезвычайной нужности дела, которым занимается оперсостав при круглосуточной готовности к выезду. Было в этом что-то от октября 1917 года, когда умиралась вставшая на дыбы страна, разгорались на необъятных просторах крестьянские восстания, а в городах процветала уголовщина. Работа в атмосфере конвейерной ленты захватила его с головой и не давала толком ее поднять и оглянуться вокруг почти двенадцать лет кряду.

Был дан старт гонке на выживание и долготерпение, гонки не киношной, а настоящей, захватывающей, опасной и любимой одновременно.

Как-то само собой обнаружилось и решение транспортной проблемы. Оказалось все просто – это был жезл, обыкновенная деревянная или пластиковая палка, выкрашенная в черно-белый цвет. Его использование регламентировалось постоянно звучащей из уст руководителей

установкой: «Весь транспорт города в вашем распоряжении». Заминка была только с такси, на этот вопрос начальник разводил руками и изрекал:

– А это уже как договориться.

Следующим открытием для вчерашнего судоводителя стал тот факт, что, судя по количеству совершаемых злодеяний, фиксируемых в городской сводке происшествий и преступлений в городе Артеме и его поселках, идет необъявленная гражданская война. «Война без особых причин», – как позднее спел Цой.

Жители городка с вдохновением и без оногo убивали друг друга, наносили стреляные, колото-резаные и рубленые раны, проламывали черепа, ломали конечности, ребра, отбивали внутренние органы, грабили, разбойничали, воровали, мошенничали, насиловали и хулиганили.

Степень накала этих нескончаемых сражений можно было с легкостью определить в любом городе страны по трем реперным точкам – это дежурные части милиции, морги, травм-пункты и приемные покои больниц. Эти учреждения, в силу необходимости, как чуткие лока-торы, ведут прием, учет и по возможности нивелируют последствия непрерывных сражений. Это была другая планета, притаившаяся в тени большой Земли, неведомая в силу закрытости статистики для большинства населения.

Перед Беляевым судьба открыла дверь в чертоги этого коллективного сумасшествия, в кровавый, извилистый лабиринт с аттракционами в виде человеческих трагедий, ежедневного риска с непредсказуемым исходом, интриг и предательств по службе, измен близких людей.

Но жизнь, как и тельняшка, состоит не только из черных полос, они, к счастью, чередуются со светлыми. И весь вышеперечисленный негатив меркнет перед той, почти семейной, атмосферой боевого братства и взаимовыручки, царившей в отделении уголовного розыска, перед удовлетворением, которое испытываешь, когда удастся победить хитрое, наглое и сильное Зло. Ближний круг друзей-оперативников, образовавшийся вокруг Алексея, состоял из ребят, его ровесников, так же, как и он, «горевших» на работе, но умевших и душевно отдохнуть после нее. Его кабинет под номером 21 часто служил местом концентрации этого веселого контингента. Главные качества, которые привлекали Беляева в соратниках, были просты – он не должен быть стукачом, трусом и «халявщиком» по жизни и по работе. Впрочем, такие же требования предъявлялись и к нему самому. Незримой нитью среди их разговоров и действий присутствовало повышенное чувство справедливости.

Это была их банда, банда Добра, банда со знаком плюс. Она возникла в противовес многочисленным бандам с отрицательным зарядом, которые несли жителям города слезы и горе. И в отличие от своих противников команда Добра действовала не ради наживы и корысти, а всего лишь за скромное государственное вознаграждение, как могла, выполняла свою роль городских санитаров. При соприкосновении двух разнонаправленных зарядов получалось короткое замыкание и разряд, после которого воздух в обществе становился чище, повышался его коллективный иммунитет.

– Алексей, собирайся, едем проверить информацию по Гнилому, у него должен быть обрез, будем задерживать, – капитан Сильченко был краток. – Готовность пять минут.

– Понял, – отвечал Беляев, – экипируюсь подручными средствами? Ствола мне пока не дали.

– А что возьмешь?

– Да вот изъяли тут недавно у конокрадов, а они почему-то не идут за вещицей, – усмехнулся Алексей и, выдвинув ящик стола, достал ракетницу со вставкой под патрон шестнадцатого калибра.

– Тяжела кольчужка, неудобна в деле, – резюмировал Сильченко, держа в руках изъятый огнестрел. – Давай-ка я тебе другой подарю.

Он открыл свой сейф и протянул младшему оперу самодельный наган под мелкокалиберный патрон, тот был гораздо легче и компактнее ракетницы.

– Пока владей, до получения табельного ПМ¹, а там видно будет. Все, выходим. Машина готова.

Беляев быстро надел кожаную куртку, засунул трофейный наган за поясной ремень, и трое оперов, сев в гражданский «Москвич» знакомого внештатника, уехали в ночь на задержание владельца обреза.

С семьей и режимом работы тоже наступила полная ясность, она могла наблюдать молодого родителя по воскресеньям, в будние дни он приходил с работы за полночь и уходил, еще пока все спали, суббота также была наполовину рабочей. С начислением зарплаты было еще проще, она совершенно не зависела ни от количества времени, проведенного на работе, ни от показателей и была годами, на удивление, стабильной, не склонной к повышению суммой.

Так происходило становление и крещение молодого сыщика.

Первые тридцать дней у него не было даже удостоверения, не говоря уже о большем. Старшие товарищи, признав в Беляеве своего, уже доверяли ему выезжать на попутном транспорте в дальние адреса и доставлять подозреваемых в Отдел. Алексей брал полосатый жезл, выходил на главную городскую магистраль, идущую вблизи ГОВД, останавливал автотранспорт, чаще грузовой, и ехал в попутном направлении до нужного адреса, дальше пешком.

Провидение хранило его – никто за это время ни разу не потребовал у него предъявить удостоверение.

Спустя ровно месяц в отделе кадров Беляеву вручили долгожданный документ, и теперь уже на законных основаниях новобранец выпорхнул на городские просторы.

Начинался февраль восьмидесятого, Алексея вновь отправили куда-то на задворки. И, как обычно, остановив очередной грузовой ЗИЛ, он приготовился к длительной поездке, но бдительный водитель впервые спросил у него документы. На что полноправный теперь уже младший опер с чувством глубокого удовлетворения достал красные корочки и представился по всей форме. После чего запрыгнул в кабину, и машина тронулась в путь длиной в непростые двенадцать лет.

Дневник
советского детектива

ПРОЕЗДОМ ИЗ ЗАРЕЧНОГО

Проездом из Заречного

«Заречное – село в Уссурийском городском округе Приморского края, расположенное в двадцати четырех километрах от города Уссурийска. Является местом расположения второй краевой психиатрической больницы».

Для уха Беляева название сего населенного пункта впервые прозвучало в восьмидесятых годах прошлого тысячелетия.

Начинался февраль 1981 года. Наступил один из двух законных выходных дней. Отгремели новогодние праздники, оставив свой стандартный кровавый след в виде огнестрелов, колото-резаных ран, черепно-мозговых травм, гематом на лицах и телах отдельных неумных граждан. Городские улицы тщательно выметены леденящим ветром, который из-за бесснежья казался особенно колючим. Февраль будто бы наводил генеральную уборку за хмельным январем, настраивая горожан на рабочий ритм. На улицах было малоллюдно, большинство жителей, сделав домашние дела, заняли свои места в теплых жилищах перед телевизорами в ожидании очередной серии фильма «Семнадцать мгновений весны».

Беляев почти бегом, как на задержании, влетел в здание Отдела прямо с морозно-негостеприимной улицы, потирая замерзшие уши, кивнул дежурному и прошел в свой кабинет под номером 21. Снимать пальто не стал, потому как температура воздуха в нем мало отличалась от уличной из-за отсутствия отопления. Вернее, сопутствующие ему элементы в виде труб и батарей имелись, но бездействовали по особо секретным причинам, о которых личному составу уголовного розыска знать не полагалось. Сняв шапку и немного отогревшись, Беляев достал из сейфа документы и приготовился к погружению в дела оперативного учета. Скоро должны были подойти и остальные ребята, коллеги по группе.

Его рабочее место находилось вплотную к окну, выходившему прямо на обычно многолюдную улицу. Беляев обычно сидел к нему спиной, а в минуты перекура мог созерцать бронуновское движение² горожан, развернувшись к окну вполоборота. И сейчас Алексей, приняв это же положение, больше для проформы, но с малой толикой надежды положил ладонь на безупречно ледяную батарею. Увы, чуда не случилось. Оставалось надеяться на повышение уличной температуры, которое автоматически потянет за собой и повышение кабинетной.

Но что это? На абсолютно безлюдной, продуваемой февральским ветром улице показалось «Нечто». Объект двигался быстрым шагом занятого человека, спешащего по неотложным делам. Если бы пришлось составлять ориентировку на его розыск, она могла бы выглядеть так: «Рост – один метр девяносто сантиметров, плотного телосложения, круглолицый, волосы волнистые средней длины, русые. Без головного убора. Одет в расклешенные брюки темного цвета, расстегнутую на груди светлую рубашку с закатанными рукавами, поверх рубашки носит настенный плюшевый ковер с изображением двух рогатых оленей в период гона, ковер завязан на широкой груди узлом». Это первое, что пришло в голову. Человечище уверенно прошагало перед окном и скрылось из поля зрения инспектора. Поисковые инстинкты правоохранителя пришли в движение.

«Дежурной части будет сподручнее его остановить. Он же движется в их сторону», – подумал Беляев и, подняв телефонную трубку, попросил дежурного задержать НЛЮ. Что и было неукоснительно исполнено.

– Алексей, задержанный находится в кабинете у Куликова, пройди к нему, пообщайся, если считаешь нужным. Но, похоже, это не наш клиент, а психиатров. Будем звонить в медицину, пусть забирают, а пока побудет у нас, – вскоре проинформировал его дежурный.

В кабинете у старшего инспектора угрозыска Куликова присутствовали трое – сам Куликов, Гришанин и непосредственный виновник торжества.

Задержанный сидел на стуле, слегка подпирая своей могучей спиной небольшой участок стены. На фоне по-зимнему одетых инспекторов он выглядел, мягко говоря, необычно. Теперь появилась возможность как следует разглядеть его. Это был молодой человек, на вид лет двадцати пяти, высокого роста, круглое лицо было красно от мороза, впрочем, как и руки с кулаками, похожими на футбольные мячики. Он действительно был одет легко, и этот летний ансамбль дополнялся накинутым на плечи плюшевым настенным ковром с изображением брачующихся оленей, который небрежно был завязан на груди. На ногах – летние сандалии. Как обычно бывает в таких случаях, между оперативниками установилась невидимая телепатическая связь, позволявшая понимать друг друга с полуслова-полувзгляда.

«Что он поясняет?» – спросил Беляев у Куликова, кивнув на задержанного.

«Еще не успели толком опросить, только что привели», – отвечал Куликов, пожимая плечами.

– Ты кто? – спросил Беляев у незнакомца.

– Я – Бог, – отвечивал тот.

Инспекторы переглянулись с плохо скрываемой усмешкой и включились в игру, предложенную объектом их оперативного интереса.

– Бог, как тебя зовут? – продолжал Алексей.

– Вовка, Бог Вовка я, – представился тот.

– Где же твой дом, Вовка? – уточнил Беляев. – Где постоянно проживаешь?

– Проживаю на стационаре, в Заречном, на больнице, – не задумываясь, отвечал «пришелец».

– Так ты больной, получается, – задумчиво протянул Алексей. – И какой диагноз тебе определили врачи?

– Параноидная шизофрения с галлюцинаторным синдромом на почве наркомании, – как хорошо выученный урок без запинки отчеканил Вовка название заболевания.

Сыщики посмотрели на него с нескрываемым удивлением. Больной чувствовал это и все больше входил в роль компетентного собеседника.

– А что в бега ударился? Что побудило тебя нарушить режим? Тебе же лекарства надо принимать регулярно, – продолжал опрос Беляев. Ему было важно хотя бы примерно установить, где и сколько времени находился в Артеме беглец и что успел наворотить.

– Да я не хотел убегать, так получилось. В общем, я сидел на окне в палате и занимался онанизмом, а мимо проходила медсестра и увидела меня за этим занятием. Мне стало стыдно, я застеснялся и на следующий день сбежал, – выдал незамысловатую историю Вовка.

– А зачем с наркотиками связался? Погубишь здоровье по своей же вине, станешь слабым, старым и никому не нужным, – включил морализатора Алексей.

– Что-о-о?.. – Вовка обвел инспекторов возмущенно-туманным взглядом. – Я сильный, очень сильный, я знаете, как могу?

Опера насторожились в ожидании чего-то рукопашного: вязать сумасшедших им пока не приходилось. А тот, сжав кулаки и напрягшись всем телом, чуть привстал со стула. Простояв в такой позе секунд пятнадцать, плюхнулся обратно.

– Вот. Поняли, как я могу? Я сильный, – произнес он.

– Да, Вовка, ты сильный, мы в этом убедились, – несколько разрядил обстановку Куликов. – А вот скажи, если на нашу страну вдруг враги нападут, китайцы например, они от нас недалеко тут, а у нас молодежь наркотиками балуется, получается, некому воевать будет, так? – продолжили они ранее начатую тему.

– Наркоманы все как один пойдут в бой, я отвечаю, можете не сомневаться, – успокоил Вовка своих собеседников. – Я вам больше скажу, никакой войны с Китаем не будет, грянет другая война, междоусобная, и будет она проходить в каждом городе и в каждом поселке.

Между самих наших людей вражда пойдет. Друг друга уничтожать будут. Немного осталось до этих дней, лет восемь-десять, – вещал провидец.

«Эка невидаль, люди и сейчас один другого калечат и убивают, как на конвейере», – переглянулись инспекторы, чувствуя между собой телепатические токи.

– Да! Мы уже начинаем бояться, – резюмировал Беляев с невеселой усмешкой. – А какая будет причина тех событий, что подтолкнет людей к взаимному истреблению?

– Желание выжить для себя и своих близких, недоверие и страх голода, на руках будет много оружия, – отвечал Вовка.

– Откуда же оно возьмется у людей? И какое оружие, самодельное, лук и стрелы? – пытался раскатать задержанного Алексей.

– Нет, – вполне здраво отвечал прорицатель, – армейское оружие в основном, в меньшей степени ваше, милицееское.

«С армейцами это бывает и сейчас», – переглянулись опера.

«А вот с нашим сталкиваться не приходилось... Хотя стоп! Гуляет же оперативная информация, что у «Третьей смены»³ на руках ПМ ходит и вроде этот ствол отобран у зам-начальника угрозыска Хромова несколько лет назад при конфликте с пьяной толпой в ресторане», – подумалось Беляеву.

Забегая вперед, добавлю, через несколько лет станет известно, что вся история с Хромовым окажется имитацией правды, а сам ветеран Хромов – предателем, и вороненая тень этого события тоже не пройдет мимо Беляева.

Ну а пока оперативник переваривал все сказанное задержанным.

– Все в «елку», – размышлял Беляев. – Кто он, этот быстроногий гигант с оленями на груди? Примитивный «нарк» с поехавшей крышей или грамотный имитатор, за поведением которого кроется что-то серьезное? Судя по биографиям многих великих, у них тоже не все в порядке было и с образом жизни, и с образом мыслей. Так что может и этот из их числа, из просветленных.

В любом случае времени на разгадку феномена и его предсказаний попросту не было, пришлось довольствоваться удобным объяснением, что все сказанное – бред сумасшедшего. В пользу этого говорила и информация из медицины – данное лицо действительно стояло на учете, разыскивалось и подлежало водворению в больничные палаты.

А между тем никаких видимых и явных оснований для его умозаключений на тот период в кажущейся монолитной стране не просматривалось даже близко. Ее насквозь пронизывало «единство Партии и Народа», две телевизионные программы с куратором Лапиным на страже, стандартный набор ручных лояльных СМИ и система образования с заданным перечнем учебников.

Дозированного объема информации об окружающем мире хватало для большинства населения, чтобы чувствовать себя относительно комфортно в союзном аквариуме с границами на замке, и позволяло мириться с «отдельными недостатками». Правда, аквариум этот в узких местах «протекал» – из-за рассказов моряков дальнего плавания, гастролирующих артистов, книг диссидентов, фильмов и песен «оттуда». Это в какой-то мере будоражило сознание советского человека, но повседневность, быт и некоторые преимущества жизни в Союзе надежно удерживали крышку слабо бурлившего котла. Впрочем, определить степень надежности и бурления подавляющему большинству населения было невозможно, небезопасно, да и не нужно. Ведь известно, что правда губительна для государственных устоев так же, как чистый кислород для человеческого организма, если в нем отсутствуют азот и другие компоненты дыхательно-воздушной смеси.

Но если бы отдельному гражданину удалось все-таки заглянуть под крышку котла, ему бы открылась адская мешанина событий: реки крови в период становления страны Советов, Эвесты лжи, лицемерия и несбывшихся обещаний ее отцов-основателей, три голодомора, череда

восстаний и массовых беспорядков уже в послевоенное время, переходящая все границы криминальная обстановка с самым большим в мире числом заключенных и техногенные катастрофы с человеческими жертвами. На дне котла наблюдатель бы увидел химеру под вывеской «Советская экономика» с уродцем Госпланом в центре. Он предстал бы ему в виде осьминога с бесчисленным и абсурдным количеством щупалец, пронизывающих всю страну от границ до самых до окраин, еще пока плавающим на мелководье в луже самотлорской нефти. Эта сверхмилитаризованная химера, на семьдесят процентов окрашенная в цвета хаки, обслуживала в основном главного монстра – ВПК⁴ – выдающего на-гора танки по цене школ, ракеты по цене детских садов, прожорливые грузовики по цене коттеджей для многострадальных жителей Союза, давно заслуживших спокойную обеспеченную жизнь вместо безумных экспериментов над здравым смыслом...

Пока шли разговоры, дежурный по ГОВД связался с психбольницей, установил личность прорицателя и сообщил об этом инспекторам:

– Звонил врачам, это их пациент, попросили держать у нас, его данные установлены, в Артеме мог быть у своих родственников, нужно будет проехать по адресу.

Больной вновь предстал перед окошком дежурной части и был передан под присмотр дежурного Муринова в ожидание приезда врачей.

Для него этот период был одним из тех самых непредсказуемых и невнятных с точки зрения закона моментов в течение дежурных суток. Не секрет, что милиции во все времена приходилось вынужденно выполнять несвойственные ей функции, зачастую требующие специфических знаний, навыков и полномочий, которых у нее не могло быть априори. Перечень таковых мог быть бесконечен: от решения вопросов гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций до наказания граждан, вешающих белье на балконах со стороны проезжей части.

Вот и теперь перед дежурным предстал вроде бы больной человек с медицинским диагнозом, а ни «Скорая помощь», ни городская больница брать его к себе категорически не желали. В то же время его нельзя было поместить в камеру для временных задержанных или применить к нему спецсредства в случае обострения помешательства или появления угрозы для окружающих.

«Я – псих, у меня справка есть» – не пустые слова из местного фольклора, а имеющие под собой юридическое основание.

У дежурного была только возможность оставить его в холле при входе в ГОВД и следить за ним через окошко. Зачастую посторонний наблюдатель мог видеть в «предбаннике» таких вот разнокалиберных личностей странной наружности, бормочущих какие-то мантры и совершающих телодвижения, сопряженные с их богатым внутренним миром, в ожидании приезда медицинской бригады из Заречного.

На этом пути-дорожки Беляева и Вовки разошлись, чтобы никогда уже не пересечься. Но вспомнить о глашатае и убедиться в достоверности его предсказаний Алексею довелось в указанные сроки, уже в новой, вставшей на дыбы стране.

Изменилось все: идеология, знамена, лозунги, фильмы и книги, психология людей, мотивы их поступков. Как и предсказывал Бог Вовка, наступили голодные времена, появилось много оружия. А и без того зашкаливающая криминальная обстановка стала местами напоминать полноценные военные действия.

Судя же по решениям, принимаемым руководством страны, можно было предположить, что им тоже срочно нужна психиатрическая помощь с обязательной изоляцией от общества и так любимых ими трибун.

Позднее и отдельные слои граждан этой новой страны станут напоминать пациентов психбольницы, а все государство медленно, но верно превращаться в одно большое медицинское учреждение в селе под названием Заречное.

ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Шапочное знакомство

Наступала осень далекого теперь уже 1981 года. И нужно сказать, что осень у нас в Приморье делится на два противоположных по температурным значениям периода. Первый – в сентябре-октябре, бархатный сезон, золотая осень, когда дневная температура редко опускается ниже пятнадцати-восемнадцати градусов тепла. Во втором, ноябрьском, природа предлагает наконец-то подумать о зимних, холодных временах. Так что во второй половине ноября легкий свежеевыпавший снег – обычное дело. Приходит пора доставать из гардеробных глубин меховые изделия.

Справедливости ради и вопреки отдельным голосам о поголовной бедности и нищете советских людей надо отметить, что встретить на улице самую обычную советскую женщину и не увидеть на ней меховую шапку, как правило норковую, было невозможно.

Лейтенант милиции, инспектор угрозыска Алексей Беляев холодным ноябрьским вечером сидел у себя в кабинете в промежутке между чередой выездов. Он находился на суточном дежурстве, а значит, любой более-менее серьезный криминальный эпизод должен быть им отработан путем выезда на место происшествия или в составе следственно-оперативной группы, или в индивидуальном порядке. Сольный режим по будням включался после ухода потенциальных членов СОГ на теплые квартиры, часов эдак с восемнадцати-девятнадцати, а по выходным и праздничным дням длился круглосуточно.

В разгаре был сезон шапок, для которого характерны грабежи и разбои. С каждым днем он набирал обороты и приобретал характер сезонной эпидемии. Грабеж квалифицировался тогда, когда преступник просто срывал шапку с головы и убегал, если же при этом он высказывал угрозы, применял нож или кулаки, то грабитель автоматически превращался в разбойника.

Необходимо пояснить, что весь год у сыскарей разделен на сезоны. Сезон рывков шапок приходится на позднюю осень и зиму, весной его сменяет сезон угона всего и вся, от мопедов-велосипедов до лошадей. В ногу с ним шагает сезон «подснежников», когда стаявший снег обнажает зимние людские игрища в виде брошенных замерзших младенцев или уже взрослых человеческих особей. Пренеприятнейшее, нужно сказать, явление, так как следы и улики, а значит, и шансы на раскрытие тают с каждым весенним солнечным деньком. Летняя же пора предрасполагает к изнасилованиям и утопленникам. Лишь квартирные и карманные кражи, нанесение разного рода телесных повреждений имеют круглогодичную направленность.

Это была уже вторая осень после того, как судьба определила Алексея в сыскное дело, а потому он, как и весь личный состав городского УГРО, был готов к подобному развитию событий. И мало сказать – готов. Для усиления этой готовности начальником розыска было проведено целое совещание, по итогам которого сформировали группу по борьбе с этим отвратительным антиобщественным проявлением – экспроприацией меховых изделий с голов граждан. Старший группы капитан Сильченко согласно ценным руководящим указаниям тоже созвал планерку и даже раздобыл скоросшиватель, размашисто написав на нем кричащее название: «Рывки шапок». Работа закипела, наверх ушли соответствующие доклады, а Сильченко растворился на оперативных просторах, оставив Беляева осмысливать происходящее.

Капитан Владимир Сильченко, поджарый мужчина под два метра ростом, был гораздо старше и опытнее Беляева. Срочную службу проходил в отряде спецназа «Холулай», чем очень гордился, упоминая об этом факте биографии при каждом удобном случае. После армии, окончив специальную школу милиции по линии уголовного розыска, начал службу во Фрунзенском РОВД Владивостока, затем по семейным или каким-то еще обстоятельствам оказался в Артеме и продолжил карьеру в должности заместителя начальника угрозыска. Несмотря на впечатляющие внешние данные и образование, начальник УР Тельман Полесов своего заместителя откровенно не жаловал и как работника не ценил. И не только потому, что чувствовал в нем

претендента на свою должность, а из-за фантастической способности Сильченко имитировать служебную деятельность и выдавать красивые доклады вместо конкретных результатов.

Это были настоящие антиподы. Полесов – человек среднего роста, с немного косящими к переносице глазами-буравчиками, был типичным пролетарием, с завода пришедшим в милицию, трудолюбивой рабочей лошадкой без милицейского образования, лишь с аттестатом десятилетки в кармане. Но, несмотря на это, за его плечами – многолетний и успешный стаж работы опера и сотни раскрытых преступлений, счет которым давно был потерян. Как любой болеющий за дело руководитель, Полесов прежде всего старался принимать в коллектив и поддерживать людей себе под стать, таких же «пахарей», выдающих результаты. Его невозможно было сбить с толку красивыми докладами и оценками в милицейских дипломах.

Вот в такой среде и происходило зарождение будущей группы по борьбе с кражами из квартир, которую в недалеком будущем предстояло возглавить Беляеву.

Но вернемся же к меховым изделиям. Не такими уж безобидными, с точки зрения криминальной статистики, были эти грабежи. Иногда они перетекали в разбои с применением кулаков или ножей, а их массовость и сложность в раскрытии сильно влияла на процент раскрываемости, эту священную корову милицейских учетов.

Второй год – это прилично по стажу работы в розыске, где каждый день порой можно считать за неделю по событийной и информационной насыщенности. Руководство уже доверяло Алексею самостоятельные дежурства по городу. За неполные сутки им были отработаны: пара свежих квартирных краж, ориентировка из Хабаровского края с проверкой адреса и последующим задержанием разыскиваемого за убийство, опрос задержанных за прошлые преступления и еще много малозаметной работы по бумагам.

И вот наступил вечер... Отдел опустел, следователи и эксперты разошлись по домам, попросив дежурного при необходимости звонить и присылать за ними автомашину, если такую получится разыскать. Алексей, расположившись в кабинете, собирался посвятить какое-то время документам из сейфа, а если получится, то и зайти в гости к всемогущему Морфею, хотя бы на полчаса. Стартовой площадкой для этого путешествия служило импровизированное ложе из четырех шатающихся бэушных стульев, а роль подушки выполняло снятое со стула сиденье, поставленное под углом в сорок пять градусов. Под ним привычно размещался бесшумный и немногословный напарник со знаменитой фамилией Макаров.

Морфей встретил Беляева радушно и почти мгновенно. В этой небольшой тридцатиминутной серии снился Беляеву какой-то новый, но все тот же родной Отдел, только был он гораздо больше настоящего, аж четырехэтажным. С первой попытки зайти в него Алексей не смог. Подсознание надиктовывало какие-то странные непривычные слова: «антитеррор», «турникет», «мобильник»... Из этого вещего интригующего путешествия его вернул в реальность резкий звонок телефона.

– Беляев, по твою душу, – прозвучал в трубке голос дежурного. – Женщина, рывок шапки.

«Началось!» – произнес про себя Алексей и быстрым шагом направился к дежурной части.

Данное подразделение представляло собой помещение размерами примерно четыре на пять метров, отделенное от входящих в ГОВД фанерной перегородкой, состоящей наполовину, в верхней ее части, из прозрачного пластика. От нее и до входной главной двери в Горотдел было около шести-восьми метров помещения холла. На одном уровне с его полом, сразу же за входной дверью, находилась одна из центральных оживленных городских улиц.

Дверь Отдела была открыта круглосуточно и не помнила никаких замков и запоров. Любой гражданин мог свободно зайти в помещение ГОВД и увидеть сидящего за пластиковым окном дежурного. Дальше налево уже шли кабинеты различных служб и подразделений.

В этот поздний час возле окна с надписью «Дежурная часть» стояла взволнованная женщина средних лет с покрасневшим от мороза и бега лицом. Внешне она напоминала активни-

сток-общественниц, которые в карман за словом не полезут, доведут поставленные партией цели до конца, а если потребуется, то и «отключат газ». В правой руке заявительница крепко сжимала мужскую вязаную шапку.

– Срочно! Собаку! – эти две фразы она произносила с определенной частотой и нажимом, размахивая «трофеем».

«Очередная жертва голубого экрана... «Знатоков» посмотрелась», – подумал Беляев.

В начинавшейся детективной истории понятия «собака» и «срочно» сочетаться никак не могли, даже если бы команду дал сам министр МВД. Единственный служебный пес Акбар нес ратную службу в конвойном взводе и был профнепригоден для розыскной работы в силу своей охранной генетики. Основным его ремеслом было время от времени озадачивать задержанных в КПЗ⁵ своими размерами и лаем. Его бессменный куратор сержант Галустян работал посменно и просто физически не мог выезжать на происшествия в круглосуточном режиме.

Ну да оставим для любителей сериалов эти кадры с Джульбарсами, тем более что в реальной жизни есть универсальное средство под названием «инспектор уголовного розыска», который всегда все может и всем должен. Он может осмотреть место происшествия (вместо следователя), собрать улики и вещдоки (вместо эксперта-криминалиста), задержать и доставить в отдел подозреваемых (вместо мифической группы захвата), там же по-горячему опросить и «поколоть» их. А отработать пути отхода злодея с места преступления сам Бог велел. Именно все это сейчас и предстояло бы делать Беляеву в сольном исполнении, если бы Создатель не распорядился иначе.

У потерпевшей на голове отсутствовала норковая шапка, которую, с ее слов, сорвал грабитель, после чего скрылся в темноте переулка.

Однако злодей не знал, на чью шапку он покусился. Быстрота реакции и жажда справедливости воспитывались в советских людях еще со школьной скамьи и продолжали свое развитие во взрослой жизни. Правда, с годами это понятие каждый начинал трактовать по-разному, в зависимости от оттенков своего Эго.

Кто бы мог подумать, что эта привычка в будущей нереальной стране с названием Российская Федерация вновь, как острым клинком, будет разделять население на «красных» и «белых», «сторонников режима» и «либералов». И вновь, как и несколько десятилетий назад, те и другие медленно, но верно будут пытаться стаскивать страну в пучину очередной междоусобицы...

Нормы ГТО и активная жизненная позиция активистки сделали возмездие для гопника неотвратимым, ибо лучший способ обороны – это нападение. Потерпевшая мгновенно превратилась из жертвы в нападающего и в контратакующем стиле, «на противоходе», сорвала с головы злодея шапку, пропитанную криминальными замыслами, потом и ДНК правонарушителя. Вещественное доказательство заботливой женской рукой было благополучно доставлено в отдел для преследования и обнаружения злоумышленника. Таким образом, пусть и неравноценный, но обмен состоялся, подумал инспектор.

Он уже мысленно, «на автомате», набросал план первоначальных действий и маршрут, адреса лиц, стоящих на учете в этом районе, представив, как шагать ему в эту снежную темень вдвоем со своим бессменным напарником Макаровым, стучаться в негостеприимные и опасные двери притонов, задавать дежурные вопросы и искать меховое имущество этой гражданки.

Как вдруг его взгляд упал за спину стоящей к нему вполоборота женщины... и воистину Небеса в эту минуту сжалились над ними обоими, жертвой грабежа и сыщиком, преследующими в эту минуту единую цель – найти похищенное.

– Уточните, пожалуйста, какого цвета была у вас шапка? – спросил Алексей у потерпевшей. Спросил больше для проформы, ведь почти все норковые шапки советских женщин были темно-коричневого цвета. Услышав ответ, показал потерпевшей пропажу, удобно расположившуюся у нее между лопаток. Головной убор держался на импровизированном охранном

устройстве, тонком, но прочном шнурке, обвивавшем женскую шейку и пришитом к краям головного убора.

Это нехитрое «противоугонное» народное изобретение в ту пору позволило сохранить множество женских шапок от жадных рук грабителей, так как в условиях «развитого социализма» преступность еще до конца не была искоренена, точнее, и не собиралась искореняться. А еще точнее, был ее форменный разгул.

Недоумение на лице несостоявшейся жертвы грабежа сменилось радостной улыбкой и неподдельным восторгом. В таких случаях говорят: «Все выдохнули». В подаче и регистрации заявления по данному факту необходимость полностью отпала, а значит количество «темных» преступлений не увеличилась.

Далее были слова благодарности и столь редкая атмосфера единения милиции и народа, которую найти можно в основном изображенной на плакатах.

Что еще нужно сыскаю, чтобы встретить опустившуюся на город непростую ночь очередных дежурных суток...

Клетка для барона

– Но для кого я это делал?
Для себя? Для брата? Для свата?
Глеб Жеглов.
Фильм братьев Вайнеров

«Эра милосердия»

Часть 1. Академий не кончавшие

Итак, осенью 1981 года Беляев оказался во главе совсем молодого формирования с громким названием «Группа по борьбе с кражами из квартир». Значительную долю клиентуры этого подразделения исторически составляли лица цыганской национальности.

С той поры профессиональная повседневность плотно связала Беляева с этим неунывающим этносом, сделала его известным в их среде. Надо сказать, что порой попадались дела, участниками которых становились настоящие виртуозы мошеннического ремесла, и сюжеты для этих невыдуманных историй не смог бы придумать даже самый талантливый сценарист.

Спустя десятилетия, уже на гражданке, встречаясь с фигурантами цыганских дел и проделок на городских улицах, он ловил себя на мысли, что не испытывает неприязни, а тем более ненависти к ним, скорее, наоборот. Ромалы^б отвечали ему тем же. Со стороны можно было подумать, что встретились давно знакомые товарищи по совместному несчастью. Такие отношения сложились не на пустом месте, а имели в основе заключенный между Беляевым и цыганской диаспорой устный договор, в котором регулировались правила сосуществования на территории города и окружающих поселков. Надо признать, обе стороны в течение всей службы Беляева в угрозыске неукоснительно соблюдали данное ими слово.

Улыбки, лучи симпатии озаряли воспоминания о прошедших локальных конфликтах на стыках двух цивилизаций.

Цивилизации средневековой с тысячелетней историей противостояла цивилизация, называющая себя время от времени то коммунистической, то социалистической. Там, где их границы соприкасались, то и дело возникали конфликты, для разрешения которых нужна была пограничная стража, или, проще говоря, посредник в виде милиции. В роли таковых посредников какое-то время пришлось выступать и Беляеву со своими товарищами.

Он понимал, что их охранные практики не смогут исправить и наставить на истинный путь эти заблудшие лукавые души, а потому ставил перед собой вполне конкретные задачи – раскрыть преступление в кратчайшие сроки и вернуть представителям своей цивилизации имущество, пропавшее в ходе контакта с черноглазыми иноверцами.

Проживая практически во всех регионах строящей коммунизм страны, цыгане полностью игнорировали данный прогрессивный факт и продолжали, как и многие сотни лет до этого, жить по своим законам. Они поголовно не работали в общепринятом смысле, за редким исключением. Не обращались за медицинской помощью, тем более в органы власти и суды для разрешения житейских проблем, а их дети не ходили в школы. В исключительных случаях собирались на свой сход, куда приезжали члены клана даже из других регионов, и принимали судьбоносные, обязательные для всех решения, вплоть до приговора виновных к высшей мере наказания. Последнее слово, как правило, было за Бароном, старейшиной и главой данного рода. Он являлся ключевой фигурой клана, руководил повседневной деятельностью табора.

Исторически сложилось так, что вышеупомянутые граждане в городе Артеме и его поселках были представлены в основном двумя общностями – крымскими и сибирскими цыганами.

Первые отличались невысоким ростом, были более смуглыми даже для цыган, обладали острыми чертами лица и считали себя мусульманами.

Вторые были более многочисленными, рослыми и в массе своей исповедовали христианство. В силу своего количества они, соответственно, и в большей степени влияли на криминальную обстановку.

Интересна линейка их подвигов на преступном поприще, меняющихся со временем и экономической ситуацией в стране. Если в начале службы Беляев застал времена, когда по фактам конокрадства в качестве главных исполнителей мелькали сами ромалы, то уже спустя

пару лет они выступали в качестве заказчиков, а вороных для них угоняли обычные советские подростки с трудной судьбой.

Но прогресс неумолим, и по мере распространения автотранспорта сходил на нет и любовь черноглазых к конной тяге по причине ее естественной убыли. В дополнение к этому заработку мужская часть племени изредка «проходила» по кражам со взломом из частных домов, грабежам, а молодая поросль набивала руку в карманных кражах. Однажды Беляеву даже довелось задержать цыгана с целым самородком приискового золота.

Основная же тяжесть пополнения семейного бюджета лежала на цыганских женщинах, для чего они пускали в ход многовековой опыт одурачивания и вхождения в доверие к жертвам. Особенно активны они становились с приходом тепла.

В то время как вся страна с переменным успехом строила социализм и наказывала за спекуляцию, цыганские кланы никогда не выходили из рыночных отношений и вполне успешно и своевременно реагировали на изменения в экономической и политической обстановке.

Так, после объявленных Горбачевым мер по борьбе с пьянством, что, безусловно, было оправдано и выстрадано спивающейся страной, стали наблюдаться перебои с продажей алкоголя. И в то же время он появился по спекулятивным ценам в цыганских торговых точках, оборудованных в их частных домах. С наступлением же Великой Смуты, именуемой перестройкой, торговля алкоголем и краденым не выдержала конкуренции с торговлей наркотиками, которая стала их основным занятием и до сей поры прочно ассоциируется с этим веселым и неугомонным племенем.

Часть 2. Случай в парке, или Проверка на прочность

К началу восьмидесятых картина «подвигов» цыганок на карте города носила достаточно пестрый и разнонаправленный характер. Основная их доля приходилась на места массового скопления жителей города: рынки, парки, вокзалы, автобусные остановки. Практически ежедневно в разных районах города происходило несколько фактов изъятия денег и золотых украшений у граждан, доверчиво реагиовавших на предложения погадать или дать ребенку воды. Зачастую вместо настоящего малыша использовались куклы, завернутые в тряпки.

Гадание на улицах с элементами вымогательства цыганки плавно переводили в походы по квартирам и частным домам, с детьми на руках или без оных. После этих набегов дежурная часть ГОВД была переполнена заявлениями о проникновении в жилища путем свободного доступа и пропаже личных вещей, уголовные дела по которым возбуждались и пополняли копилку нераскрытых преступлений в дополнение уже к имеющимся в группе Беляева. Экспроприировали в основном деньги и золото, которое, как правило, реализовывалось среди работников торговли и общепита. Как потенциальные места сбыта краденого в картотеке «квартирщиков» значились единственный в городе ломбард, кафе, рестораны, комиссионные и обувные магазины. В «золотом круговороте» участвовали как местные цыганки, так и «залетные», которых притягивало транзитное расположение города.

Задержание цыганок по горячим следам эффекта не давало, хотя и потерпевшие, и свидетели прямо указывали на мошенниц. Вещдоков при них не обнаруживалось, доказательная база рушилась, и дело заканчивалось безуспешными попытками или расколоть, или запугать, а затем выдворить из Отдела, после чего они вновь брались за старое, порой и в непосредственной близости от ГОВД.

Только жесткое взятие с поличным и реальный срок могли бы дать эффект и охладить пыл зарвавшихся мошенниц. Примерно через восемь месяцев с момента создания группы «квартирщиков» такая возможность у Беляева появилась.

Было солнечное утро субботнего июньского дня. Для Алексея начиналось стандартное суточное дежурство по городу, про которое в сводках происшествий пафосно писали: «в составе следственно-оперативной группы». В составе этой самой группы также значились следователь, эксперт-криминалист, а в качестве усиления – и участковый. Но если бы сторонний наблюдатель заглянул в одноэтажное здание ГОВД, то, кроме двух дежурных за стеклом из пластика и одинокого опера в своем кабинете, он бы никого не увидел.

Минувшая пятница у Беляева и его молодого напарника Авраменко закончилась около десяти вечера, после чего сыщики позволили себе несколько рюмок чая в компании коллег. Домой Алексей добрался около полуночи, а утром заступил на суточное дежурство. Такие смены выпадали на долю оперов от двух до пяти раз в месяц и сильно отвлекали от текущей работы по раскрытию «темных» преступлений.

Первая половина выходных обычно протекала спокойно. Гигантский людской муравейник нехотя пробуждался после рабочей недели, делал это неспеша, потягиваясь на трезвую голову. Затем наиболее активная часть населения шла пополнить съестными припасами свою ячейку, навестить членов рода, просто посмотреть на собратьев, подышать свежим воздухом. Но уже во второй половине дня, ближе к вечеру, на территории муравейника начинали разгораться огоньки локальных конфликтов, чтобы часам к двадцати вовсю загреметь грозовыми раскатами.

Беляев находился в кабинете, приводя в порядок дела оперативно-разыскного учета и поджидая Авраменко. Несмотря на законный выходной день, все инспекторы угрозыска в отличие от других сотрудников ГОВД обязаны были приходить в Отдел к десяти утра, а уходить – как позволят текущая обстановка и главный распорядитель Полесов.

Такой режим работы нигде не был прописан, но негласно насаждался и приветствовался руководством. Если ты пришел в субботу, а потом был замечен в Отделе еще и в воскресенье, значит, ты горишь на работе и вправе рассчитывать на толику благосклонности начальства. Этот авральный ритм мог бы быть оправдан лишь одним обстоятельством – таким же бешеным запредельным валом преступлений и необходимостью их раскрытия.

А вот и первый звонок из дежурки. Алексей взглянул на часы, была всего лишь половина десятого. «Рановато для заявителей», – подумал он. Голос дежурного был напряжен и необычно серьезен:

– Там к тебе девушка с парнем, кто-то у них золото отобрал, – и приглушенно добавил: – Это племянница первого секретаря горкома Белых.

Первый секретарь горкома КПСС был непросто весомой фигурой для их небольшого города. Он фактически венчал номенклатурную пирамиду власти, и все события, связанные с фамилией Белых, автоматически приобретали резонансный характер. Несмотря на это обстоятельство, Алексей особо не проникся, сильного пиетета не испытал и начал просто выполнять свою работу.

Порой в подобных случаях у него рождались ассоциации с медицинской практикой: вот сейчас к нему в кабинет пойдет очередной пациент, он выслушает, что того беспокоит, определит диагноз и предложит больному план лечения и профилактики на будущее.

Вскоре раздался стук в дверь и в кабинет вошли парень с девушкой, обоим на вид чуть больше двадцати лет. Из взволнованного и местами сбивчивого повествования племянницы Белых, откорректированного уточняющими вопросами оперативника, постепенно стала вырисовываться картина «заболевания».

Марина и Павел, так звали посетителей, находились в отношениях и, более того, собирались пожениться. Какое-то время назад Марина в одном из районов города встретила темноволосую женщину. Они разговорились о том, как готовиться к свадьбе и строить успешную семейную жизнь. При первой встрече женщина поведала девушке о нескольких надежных и проверенных временем старинных обычаях и ритуалах. И в качестве гарантии удачного исполнения желаний обозначила «сущую мелочь» – золотые украшения, которые были на Марине, должны быть переданы ей во временное пользование до момента, когда молодые обручатся. Так сережки и кольцо благополучно перекочевали в карманы темноволосой женщины. Сразу же после этого она назначила Марине еще одну встречу с тем условием, чтобы при ней опять было бы какое-то золото. Таким образом ясновидящая выстроила многоступенчатую конструкцию, завершением которой должна была быть пышная свадьба. Вся эта комбинация называлась «погадать на жениха».

Беседуя с молодыми людьми, Беляев припомнил, что на протяжении нескольких месяцев в сводках происшествий и ориентировках появлялись описания цыганок, гадающих на ржавую иглу. Цыганка разламывала яйцо и находила в нем ржавую иглу, сообщая, что ее подопечную ждало несчастье, а чтобы отвести беду, гадалке нужно было дать либо золото, либо деньги. Была серия подобных случаев, по которым установлены потерпевшие, но мошенниц установить не смогли, а преступления так и оставались нераскрытыми. Хозяйка «волшебной» иглы продолжала «гулять» в городской черте. Вспышки таких эпизодов с завидной регулярностью случались в разных районах города, оставляя на его теле неприятные оспины воспоминаний о бессилии сыщиков. Число таких случаев росло в арифметической прогрессии, статистика рушилась, и краевое УВД, в свою очередь, «долбило» местных уже в геометрической прогрессии.

– И сколько у вас было подобных встреч? – спросил Беляев у потерпевшей.

– Прошло три встречи, сегодня мне назначена четвертая, и, посоветовавшись с семьей, я решила обратиться к вам, – отвечала Марина.

В ходе дальнейшего опроса Беляев выяснил, что за три предыдущие встречи Марина передала мошеннице две пары золотых сережек, кольцо с александритом, перстень с турмалином и золотую цепочку с кулоном в виде тельца.

– Что вы должны передать на сегодняшней встрече? – продолжал опрос Беляев.

– Золотых украшений у меня больше нет, поэтому сегодня я приготовила тридцать пять рублей, – сказала Марина и показала семь синих пятирублевых купюр.

– Как же так?! Вы на протяжении полутора месяцев встречаетесь с незнакомой женщиной, добровольно передаете ей в руки ценности и делаете это втайне от всех. Как это стало возможным? Что вами двигало? – недоумевал Беляев.

Марина оправдывалась. Мол, в момент передачи ценностей находилась в состоянии, близком к гипнотическому, ею двигал страх, что долгожданная свадьба, о которой девушка так мечтала, сорвется. Гадалка давала ей именно такую установку. Сегодняшняя встреча должна была состояться в городском детском парке около одиннадцати часов.

В ходе опроса у Алексея постепенно рождался, без чьих-либо ценных указаний и наработок, план, детали которого были совсем не характерны для провинциального ГОВД. И никто, кроме подошедшего помощника, младшего инспектора Андрея Авраменко, не был в курсе задуманного Беляевым.

Между тем дежурные мирно сидели за пластиковой перегородкой «на телефонах», а в отдел подтягивались немногочисленные коллеги. Из руководства на работе был только начальник ОУР Полесов.

Несколько раз Алексей уточнял у потерпевшей, не с цыганкой ли она общалась все эти три раза, на что получал уверенный отрицательный ответ:

– Нет, не цыганка, обыкновенная русская темноволосая женщина.

Это обстоятельство несколько сбивало оперативника с толку. По всем признакам почерк походил на цыганский. В то же время это и успокаивало. Дело в том, что за полтора года работы в розыске личность Беляева стала хорошо известна среди черноглазой диаспоры и его появление в районе проведения операции могло нарушить все надежды на благополучный результат.

– Андрей, давай понятых, – сказал он помощнику.

В присутствии свидетелей Беляев составил акт, зафиксировал нахождение в дамской сумке, принадлежащей Белых Марине Викторовне, семи бумажных пятирублевых купюр на сумму тридцать пять рублей и переписал их серии и номера.

Далее последовал инструктаж потенциальных жертв.

– Идете, как вам было указано, прямо в детский парк к назначенному времени. Мы последуем за вами по параллельной улице в прямой видимости. В парке ни в коем случае не подавайте вида, если нас увидите. Как только деньги будут переданы мошеннице, ваш жених должен вынуть расческу и расчесать волосы. А теперь, пожалуйста, подождите нас в фойе перед дежурной частью, – напутствовал Алексей Марину и ее жениха.

Ход с расческой он скопировал из какого-то фильма про разведчиков.

– Андрюха, найди дипломат, там должна оставаться закуска от вчерашнего «рандеву», – попросил Алексей младшего опера.

– Есть контакт! – радостно воскликнул Авраменко. В дипломате нашлись остатки вчерашнего пиршества: половина буханки хлеба и нарезанные куски сала. Также в недрах кабинета была найдена и заполнена водой пустая бутылка из-под водки, пара дежурных рюмок довершила комплектацию спецчемодана. Подготовка к операции была завершена, и Беляев дал команду «На старт!».

Дорога до места встречи, которое, как известно, изменить нельзя, заняла чуть более двадцати минут. По пути к парку Беляев инструктировал Авраменко о линии поведения.

– Мы с тобой развязные молодые люди, которые с утра похмеляются в парке, что, впрочем, недалеко от истины. Зайдем лавочку, разложим снедь, рюмки и будем имитировать

удовольствие от происходящего. И никаких самостоятельных действий, все только по моей команде, – напутствовал начинающего опера Алексей.

Но тщательно продуманный и проговоренный ход операции едва не рухнул.

Только появившись в парке, Алексей сразу «запеленговал» темноволосую женщину неустановленной национальности, вокруг которой, кроме «заряженной» заявительницы, кружилось еще несколько страждущих клиенток, в основном молодых женщин, некоторые даже с колясками. «Похоже, дело у ясновидящей поставлено на поток», – подумал он и... обомлел. Присмотревшись, оперативник признал хорошо известную ему цыганку Любу Матюшеву, которая неоднократно «проходила» по разным цыганским шалостям, да и многочисленный клан с такой фамилией был среди розыскников на слуху. Цыганка тоже сразу «срисовала» Алексея, но виду не подала.

Беляеву ничего не оставалось, кроме как присесть на удаленную лавочку вместе со своим помощником и от души сыграть нехитрую сцену двух развязных пьяниц.

Андрюха открыл дипломат, достал нехитрую закуску, две рюмки и бутылку с водой. Для пущей убедительности и достоверности происходящего пришлось повышать градус разнузданности. Для этого напарники забрались на спинку лавочки, ноги поставив на сиденье, и громко спорили о чем-то наболевшем. Не пропускали они и проходящих мимо молодых женщин, отвечивая им скабрзные комплименты.

Беляев специально сел спиной к цыганке, чтобы не сбить своим видом ее ритмичный прием страждущих отдать свои ценности гражданок. Авраменко же было поручено не упустить из виду жениха потерпевшей.

Условленного сигнала пришлось ждать недолго.

– Все, он причесывается, – отчитался напарник.

Наступило время действовать. Беляев еще до конца не понимал, почему цыганка, вычислив его, не ушла, не скрылась из расставленной ловушки, как это бывает у них в подобных случаях.

Собрав в дипломат нехитрую снедь, оперативники двинулись на задержание. Они разделились. Беляев сказал Авраменко, чтобы он по дуге приблизился к цыганке и перекрыл один из выходов из парка. Сам направился к ней напрямую. Главное, чтобы она теперь не скинула вещдоки.

И вот настала долгожданная встреча. Алексею не надо было представляться, показывать удостоверение, спрашивать документы, оба хорошо были знакомы, и каждый из них знал заранее набор дежурных вопросов и ответов.

– Ну что, начальник, как? – спросила Люба и показала легкоузнаваемый жест в районе кадыка.

– Нормально, – отвечал Беляев. – Тебе со мной придется пройти, есть разговор.

– А-а-а... Слушай, дорогой... Зачем опять меня берешь... Что, мне делать нечего? У меня дома дети плачут, кушать хотят, один совсем больной, я к ним сейчас поеду, – запричитала цыганка.

– Я тебя долго не задержу, смотря как отвечать на вопросы будешь, – гнул свое опер, а сам следил за ее руками и карманами, чтобы она не успела сбросить наживку. Цыганка нехотя подчинилась, и они пешком направились в Отдел. По пути Беляев невзначай завязал разговор, пытаясь выяснить, что у нее в карманах.

– Что ж ты, Люба, опять, наверное, не работаешь, гадаешь, полные карманы золота несешь, – закинул нехитрую удочку Алексей.

– Да что ты, начальник, я уже давно не гадаю! Я не работаю. С детьми некому сидеть, – запричитала Матюшева – На, смотри, какое у меня золото в карманах! Вот, последние деньги тебе показываю, – истерично поднимала накал разговора Люба и, вывернув карманы платья,

показала те самые семь синих пятирублевков, номера которых ранее были зафиксированы в протоколе.

– Все ясно... Да, золота у тебя действительно нет, но на несколько формальных вопросов ответить придется, – облегчено выговорил Алексей.

Примерно на половине пути, около строящегося Дома быта, их нагнала молодая цыганка, пытаясь на цыганском языке вступить в диалог с задержанной и принять из ее рук какую-то вещицу. Здесь Алексею пришлось пустить в дело весь властный ресурс и твердо пресечь общение. Он потребовал говорить только на русском и показать ему обе руки. В одной из них он увидел часы-браслет, скорее всего, тоже выманенные Любой у одной из жертв. Жаль, что невозможно уже было установить владелицу часов, а так у Любы в деле появился бы еще один эпизод.

Доставив задержанную вместе с вещдоками в Отдел, Беляев вновь попросил Авраменко найти понятых для составления протокола изъятия ранее переписанных купюр. Матюшева пока еще воспринимала этот процесс как обычную профилактическую процедуру, после которой, погрозив пальцем, ее отпустят на вольные хлеба, и поэтому вела себя спокойно. Но, когда Беляев в присутствии понятых зачитал номера и серии изъятых купюр, Люба сразу изменила тон и стала серьезной. После того как из кабинета все вышли и Беляев с цыганкой остались вдвоем, она поняла, что ее сейчас уведут в камеру, и произнесла слова, которые вошли потом в анналы городского сыска:

– Начальник, меня сейчас закроют, а у тебя там осталось немного водки. Налей мне на посошок, а то когда еще доведется...

Алексей, до конца еще не веря в блестящее завершение операции и, самое главное, закрепление преступления вещдоками, решил продолжить кураж до конца. Он открыл дипломат, достал бутылку с рюмкой, налил до краев и поднес Матюшевой. Она с размаху опрокинула рюмку и, на минуту застыв, произнесла сакраментальное:

– И тут обманул.

Но это было сказано без жестокой озлобленности, скорее, отдавая дань честно выигранной опером партии. Беляеву оставалось только передать готовый материал с задержанной и вещдоками дежурному следователю для дальнейшего бумажного оформления и передачи дела в суд. Суточное дежурство продолжалось...

Если кто-то из читателей подумает, что за это раскрытие и задержание Беляева и его напарника осыпали какими-то наградами и премиями, то он ошибется. Небольшое смягчение тона при разносах на планерках – и этого уже было достаточно для молодых сыскарей. Спустя много лет Беляев понял, что эта сдержанность во многом объяснялась ревностью старого зубра к дерзости и удачливости оперившейся молодежи.

Многодетную же мать Любу Матюшеву, с учетом количества детей и каких-то факторов, которые рождает гораздый на выдумки симбиоз следственной, адвокатской и судебной практик, неведомый для посторонних глаз и ушей, суд приговорил к году лишения свободы, из которого она реально отбыла в колонии около шести месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.